

18+

Виктор Буйко

КОМБИК

Виктор Буйко

Комбик

«Издательские решения»

Буйко В.

Комбик / В. Буйко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-535272-9

Виктор Буйко пишет живо и интересно. Герои этой книги — обычные люди, но они участвуют в увлекательных событиях и порой оказываются в непростых ситуациях: кто в смешных, а кто и в трагичных. Виктор Буйко — представитель послевоенного поколения и много повидал на своём веку. Он потомственный военный моряк, в прошлом подводник, учёный и бизнесмен. Богатый жизненный опыт позволяет ему писать ярко, энергично и увлекательно.

ISBN 978-5-00-535272-9

© Буйко В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
ГРЕМИХА	6
Глава 2	15
ВОЕНТОРГ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Комбик

Виктор Буйко

© Виктор Буйко, 2021

ISBN 978-5-0053-5272-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

ГРЕМИХА

где дается общее представление об этом замечательном месте и населяющих его людях

Мечта о машине жила в семидесятые, наверное, в каждой советской семье. Счастливыми обладателями автомобиля тогда являлись обычно очень серьезные люди, да и было-то их совсем немного. У нас во всей хрущевке на проспекте Ветеранов машина была только у Михаила Федоровича, соседа этажом выше. Это был респектабельный и солидный каприз и доцент из Дзержинки.

Хотя сейчас ее и за машину-то не посчитали бы...

А тогда подъезжавший по выходным к парадной «москвич-412» нежно-канареечного цвета вызывал паралич всего нашего военно-морского двора. Заселен он был сплошь офицерами Ленинградской военно-морской базы. Из-за задернутых занавесок офицеры и их родня наблюдали, как Михаил Федорович каждый раз неторопливо загружал маленький багажник разным садовотуристическим скарбом. Это действо казалось нам серьезным и таинственным. Впервые вместо зрелища давящихся в трамваях и автобусах с авоськами и сумками граждан прямо так вот, запросто, на глазах у изумленных соседей человек мог сесть в свою машину и комфортно добраться до назначенного места отдыха или рыбалки.

Иногда, по-моему, в основном из-за особых симпатий к моей очаровательной маме, он приглашал нас всей семьей в лес, куда-то под Кингисепп, по грибы. Грибочки росли в низеньком сосновом песчаном лесу, утопавшем в ковре из пушистого мха, рядом с деревушкой с милым названием Тарайка. Тогда мы, съезжившись втроем на заднем сиденье узкобедрого «москвича», чувствовали себя друзьями персидского шейха... От всего этого желание обладать собственной автомашиной только крепчало и росло.

Все усугублялось еще и тем, что с некоторых пор наша семья стала обладать, к сожалению, еще даже не машиной, которая только грезилась в мечтах, но уже гаражом для нее. Вышло так, что предприимчивые жители окраины Питера, которой в то время было Дачное, сколотили между собой гаражный кооператив. На пустыре, примыкающем к лесопарку Александрино, они построили в складчину, может быть, первый высотный, пятиэтажный, как сейчас говорят, «паркинг».

Денег, как водится, на последнем этапе не хватило, и через добрых людей туда пригласили поучаствовать кровными деньгами моих родителей. Руководил всем этим отставной летчикгенерал, который на редкость быстро превратил гараж в настоящий клуб по интересам. Там народ собирался потрещать про авто, повибирать правление, пообсуждать расширение границ владений и перечня приятных услуг...

Мне не довелось пройти этот созидательный в жизни нашей семьи отрезок пути. Но вот родители с тех пор стали заядлыми автолюбителями и, хотя не имели своего железного коня, стали частыми гостями гаражных собраний.

Однажды там прошел опечаливший многих, и нас в том числе, слухок. Мол, те из владельцев, кто не поставит автомобиль на приобретенное в гараже «машиноместо» до конца года, на общем собрании будут неминуемо исключены из кооператива. Оказалось, в районе появилось много владельцев настоящих, а не проектируемых к покупке мифических авто. Они, имея честно заработанную машину, ну просто не представляли, куда ее теперь поставить... Отсюда появилось и естественное социалистическое желание – раскулачить кого-либо на радость себе.

И родителям стало страшно!

«Глупая и провокационная сплетня», – подумали бы сейчас и ухом не повели. Но ведь это сейчас, когда на каждую сараюшку есть куча гербовых бумаг с водяными знаками. А в те мутные, с точки зрения права частной собственности, времена простым большинством голосов тебя могли не то что исключить из членов кооператива, а и из «родной коммунистической партии»! Отец в срочном письме ко мне, проходившему службу на подводных лодках Северного флота, изложил суть надвигающейся катастрофы и попросил узнать, а не выделяют ли мне как «герою-подводнику» какую-нибудь машинку, чтобы спасти преждевременно построенный под нее гараж.

В нашей «подводной среде» северян машины не то чтобы отрицались, но как-то само собой получилось, что их просто даже и не было. Может, потому, что не способствовали этому частые смены мест базирования, плавания подолгу и далеко. А может, просто маршрутов больших для передвижения на них не было. Казарма – плавбаза – лодка – поселок... Вот и все путешествия. Если бы кто-нибудь и задумал совершать их на машине, то совершенно отбился бы от коллектива. Все мы тогда дружно ходили, укутавшись в шарфы и втянув головы в поднятые воротники. С опущенными ушами зимних шапок и в мотоциклетных очках, иногда и не раз, мы совершали этот «приятный пеший променад» навстречу гремихинским, вечно дующим со всех сторон ветрам.

Поэтому, когда я начал робко узнавать порядок покупки плавсоставом автомобиля, то шуткам и прибауткам в экипаже не было предела, из которых самой приличной было обсуждение вопроса о вместимости моего будущего «дамовоза». Я все это сносил терпеливо. Отчасти от значимости стоящей передо мной задачи, а отчасти от того, что было в этом обсуждении много стоящих идей и флотского юмора.

Из полезного для меня все же удалось нащупать информацию, что где-то в штабе флотилии есть таинственная очередь, которая, как и должно быть в таком случае, управляется политотделом. Оставив младший комсостав ржать над очередной остротой о коллективном использовании моего будущего авто при погрузке боезапаса, я поспешил к замполиту.

Тот долго расспрашивал меня о настроениях в экипаже, о том, куда девается спирт из системы охлаждения ракет подводной лодки, о подготовке к очередному съезду родной партии, о справедливости жалоб сразу трех маляриш с судостроительного завода, приходивших вчера жаловаться на развратного обидчика из экипажа... Я уже потерял всякую надежду, что мне удастся попасть хотя бы в хвост хитрой очереди, когда он, с искренне разочарованным выражением лица от моих уклончивых мычаний, вдруг неожиданно произнес волшебные слова:

– Пиши рапорт!

А большего от него и ждать-то не приходилось.

Я побежал в каюту и написал слезливый рассказ с кратким изложением гаражных интриг и фатальным приближением моего позорного изгнания из кооператива во время приближающегося океанского похода в честь XXIV съезда родной коммунистической партии... Только камень мог не заплакать при особо удавшейся мне, хотя вовсе не оригинальной стандартной концовке: «В просьбе прошу не отказать». И жизнь покатила своим чередом...

К моему глубокому удивлению уже через месяц меня вдруг вызвали в штаб флотилии и вручили клочок бумажки, на котором было блекло напечатано: «Капитану-лейтенанту „Мне“ выделяется из резерва 11-й флотилии подводных лодок автомобиль „москвич“».

Взволновало буквально все! И таинственное слово «резерв», и оперативность, с которой эта весть пришла ко мне, и особенно автомобиль «москвич», который под напором ворвавшихся на российские просторы «жигулей» только добряк не сравнивал с дерьмом.

Правда, несколько напрягало, что ниже таинственной надписи значилась дата получения автомобиля с базы Военторга под Мурманском, сроком которой было обозначено позавчера... Легко сложив даты прихода в Гремиху ближайшего теплохода, отправляющегося на Большую

Землю, а также время перехода и переезда до заветной базы Военторга при удачном стечении обстоятельств, сложилось ужасающее время опоздания – больше недели! Сразу поползли грустные мысли о конце света, забрезжил единогласно поднятый лес рук за исключение родителей из списков гаражного кооператива и дружное ржание надо мной младшего комсостава в кают-компании.

«Какого черта они извещают о резервах, когда они по всем законам физики должны испариться! Это же не геркулес „Ясно Солнышко“ слаболиквидный! Уж эти-то ушлые мореманы из близлежащих к Мурманску военно-морских баз сумеют грамотно распорядиться резервом 11-й флотилии!» – с вскипающей от страшных предчувствий яростью крутилось в голове.

«А то они не знают, где находится 11-я флотилия подводных лодок, помещенная от глаз людских подальше заботами родной коммунистической партии!? В ж... она находится, даже не в ней, а в самой-таки ее дырочке – там, куда Макар телят не гонял!»

Больше всего сомнений возникло по поводу погоды... Придет теплоход или не придет!? А если и придет, то причалит или сутками будет болтаться на дальнем рейде в ожидании хотя бы «ветра3»? Для непросвещенных: «ветер-3» – это когда просто усы отрывает, как у Папанова в «Бриллиантовой руке», «ветер-2» – это когда выплюнуть попавший в рот ветер ему не удастся никакими судьбами... Ну, а «ветер-1» – это обычный морской бриз в Гремихе, когда чайки прячутся под прибрежные камни, тюлени ложатся на дно и дышат через трубочку для коктейля, а Давид Копперфильд может снимать свои трюки в воздухе без всяких вентиляторов. Коровы летают!

А еще бы не дуло! Объяснение этих осатанелых ветров, дующих с октября по май, с незначительными перерывами на «ветер-3», оказывается весьма простым и естественным: мимо Кольского полуострова течет себе величаво теплый Гольфстрим, естественно и неизбежно остывая по дороге. И если у кого-либо закрадывается сомнение, а на самом ли деле он теплый, пригласите их в январе совершить легкую туристическую прогулку по Баренцевому морю...

Пусть они увидят, что даже зимой, при любой стуже, косматыми клубами от свинцовой тяжелой воды, от мрачных, неправильных, мерцающих всеми оттенками черных вод Гольфстрима поднимается пар! Кажется, что это мираж, что не может быть столько кипятка – покуда глаз хватает! Да и не кипятки это вовсе, а обычная морская соленая вода. Минус два градуса, но этого вполне достаточно, чтобы до горизонта неслись миллионы кубометров парящего «кипятка». Но не навсегда...

Видимо, и Гольфстриму назначен свой конец! И явился он ему в образе мыса Святой Нос, выпирающего из Кольского полуострова далеко в море. В него-то, как в каменную стенку, со всего размаха ударяется усталый и потрепанный Гольфстрим и, окончательно теряя силу и направление, нехотя поворачивает в сторону арктических льдов, ныряет под них и умирает где-то там, в глубине безбрежного Ледовитого океана.

Дальше за Святым Носом простирается угрюмое царство холода... Оно наступает сразу за чистой, клубящейся паром и «теплым» воздухом водой, и кажется, что острым ножом отрезали белое от черного, решительно и навсегда разделив две стихии. Лишь летом, с приходом полярного дня льды ненадолго отступают к полюсу, чтобы потом опять прижаться к своему последнему защитнику – мысу Святой Нос.

Льды и клубящийся океан хорошо дополняли коричневые, с белыми подпалинами лоцины, высокие сопки – приземистые северные скалы из чистого гранита и базальта. Они протянулись от самого океана вглубь Кольского полуострова на сотни километров. Зрелище могучих нагромождений камней и скал, изредка перемежающихся небольшими озерами-лужицами, практически без всякой растительности, кроме вековых мхов, могло нравиться или отталкивать, но никого не оставляло равнодушным.

Итак, что за исключительный феномен гигантского пылесоса мы получили в местах, куда родная коммунистическая партия сховала свои замечательные подлодки, пряча их от самых разных врагов, плотной стеной окружавших нас? А получили мы сходящиеся в одной географической точке, а именно в поселке Гремиха, три разные стихии – парящее теплом Гольфстрима море, бескрайние пространства ледяных торосов и, наконец, гранитные равнины сопки. И бонусом – «ветер-1», который легко мог сорвать любую поездку на Большую Землю. Меня же интересовала база Военторга – оплот надежды неавтомобилизованных офицеров. Ведь именно там, по преданиям и как это рисовалось во врученной мне бумаженции, подобно копиям царя Соломона, хранились таинственные резервы 11-й флотилии подводных лодок...

Немного посомневавшись в авантюристичности предлагаемого блеклой штабной бумажкой путешествия с ожидаемым недельным опозданием, я решил, что риск быть выкинутым из гаража выше всех остальных рисков. Да и, в сущности, чем я рисковал? Приятная поездка на теплоходе в Мурманск, короткий отпуск на недельку. Ну, не получу машины, так слетаю в Питер. Благо, и короче вылазки бывали!

Расписавшись в неведомом журнале за получение бумажки-направления, в приподнятом настроении я отправился на плавбазу.

Весть о машине из «резерва» мигом облетела экипаж, вызвав противоречивые чувства. В нашей среде большая часть человеческих отношений совершенно естественным образом облегчалась, освещалась и переводилась в шутку, юмор, анекдот. Это была защита от обыденности и монотонности, тревоги и опасностей, оторванности почти от всего любимого и желанного... В основном все ребята поздравляли и сыпали остротами. Были, правда, и такие, кто как будто отодвинулся, производя в уме математические расчеты...

Как бы там ни было, но уже вечером в мою каюту набралось полно народу обмывать еще не существующие колеса. Спирт, любовно называемый всеми подводниками «шило», принес по такому случаю покровительствующий мне не какойто там группман, так звали командиров групп – младшего звена лодочной иерархии, а настоящий старший офицер, капитан 3-го ранга Владимир Иванович Деменков.

И «шило» он принес не то, что таскает из каюты в каюту младший комсостав. Им доставалось лишь гидролизное: со страшной «наждачкой» в гортани на «проглот», тяжелой от химии головой и отрыжкой резиновыми покрывками поутру. На этот раз был настоящий ректификат, чистый, как слеза ребенка, – «чистяк», как ласково звали его все. Натуральный, экологически полезный спирт, от которого и на душе, и в голове становилось ясно и просто, конечно, до определенного рубежа. Лучше «чистяка» был, говорят, только медицинский спирт! Но, во-первых, он был лишь у лодочного доктора, а во-вторых, это вообще другая история.

Заводилой был, как всегда, Саша Грищенко, который как из рога изобилия сыпал самыми фантастическими автомобильными историями, непременным участником которых были, конечно, шикарная машина, он сам и еще одна, реже – две-три попутчицы. Экипаж ржал и восхищался Сашкой, хотя каждый отлично понимал, что все его похождения можно смело делить на два, а то и на четыре.

Уже в самом конце торжества затронули совсем уж пустяковый вопрос – о средствах на покупку «резервного» авто... Тут выяснилось, что на моем персональном счете, сколоченном в перерывах между поездками в Питер и культпоходами с Сашей Грищенко по «местам боевой славы», денег хватит только разве что на мотор и салон резервиста... Проблема никому не показалась серьезной!

Поскольку всего пару дней назад экипажу лодки выдали жалование, офицеры неверными шагами разбрелись по каютам и уже спустя несколько минут стали возвращаться обратно с зажатыми в ладошках вовсе не мелкими купюрами. Довольно серьезная сумма нарисовалась легко и непринужденно, без вздохов и уговоров. Кузов долгожданного авто стал вполне осяза-

емым, и все продолжили дальше отмечать его приобретение, посоветовав недостающее испросить у родителей завтра.

Дни до прихода теплохода «Мария Ермолова», который мотался между Мурманском и Греховым круглый год, пронеслись незаметно в хлопотах и сборах. Несмотря на стоявший довольно морозный и снежный ноябрь, ветров, к счастью, не было, а значит, появилась робкая уверенность, что вместо выданной в штабе бумажки скоро нарисуеться новый автомобиль, гарантирующий место в гараже.

Какое-то время ушло на сборы. Ввиду предстоящего важного события и возможного «чествования героя на родине» я принял решение по особо нарядной, торжественной, прямо скажем – не по сезону, облегченной франтовской форме одежды. В самом деле: офицер может выглядеть поразному, проще или блестяще, но вряд ли у него есть шанс блеснуть выправкой и шикарным внешним видом, чем выходя из салона собственной автомашины! Ну, не вываливаться же из нее с опущенными ушами зимней шапки, в кожаных варежках и утепленных валенках на резиновом ходу, зато по сезону!? И потом, кой черт кутаться, как барышня, если авто и согреет, и накормит!

Исходя из этих простых, в общем-то, умозаключений, безо всякого учета надвигающихся заполярных холодов, я принял рискованное решение одеться в парадную тонкобортную касторовую шинель. Под нее – выходная легкая тужурка, брюки (упаси нас боже от любых подштанников!), белая шелковая рубашка с широким самозавязывающимся моднявым галстуком. На ногах – лаковые «корочки», которые Сашка Грищенко еще называл «балетными тапочками»... Мой портрет дополняла сделанная на заказ в Питере манерная, огромных размеров суконная фуражка-«аэродром» с широким околышем и предметом особой гордости – вышитым золотой канителью военно-морской кокардой-крабом с медной кованой, а не штампованной, эмблемой. А еще тонюсенькие нейлоновые носки-паутинки, белый, шелковый, приятно холодящий шею шарфик и плавки «Смерть Северодвинску».

Забегая вперед, скажу, что такое подробное описание моего гардероба я привожу тут неслучайно. Мое франтовство чуть не сыграло со мной злую шутку, и было, как я уже теперь понимаю, крайне легкомысленным, попросту опасным. Впрочем, как и много другого, сделанного или наоборот – не сделанного мною в эти дни... Но тогда я пребывал в необычной эйфории, а все последующее казалось мне шикарным, легким и необыкновенно увлекательным приключением!

Билеты на теплоход дались, как всегда, с боем и проблемами. Для этого пришлось встать пораньше утром, пройти ускоренным шагом до ДОФа (Дома офицеров флота), занять очередь в хвосте и втиснуться в переполненный рейсовый автобус, на котором военно-морской люд и их жены добирались из одной базы в другую, так как в одной было где жить, а в другой – где работать. Потом был маленький покосившийся домик у причала с надписью «Касса» и традиционные списки с нервотрепками о количестве оставшихся на продажу билетов после блатников. Уж те-то, подобно саранче, уничтожали их еще до открытия кассы.

Мне достался ничем не выдающийся, к сожалению, трехзначный номер во второй сотне... Никогда и ни разу не удавалось избежать этой изнурительной и томительной процедуры. Этот унижительный леденящий страх остаться за бортом лайнера сковывал разум, раскачивал планы, заставлял, по-щенячьи повизгивая, радоваться каждому выброшенному в продажу билету...

На этот раз судьба улыбнулась мне. Был явный не сезон, отпускники и их семьи уже вернулись и еще не ломались на летние каникулы, а сменные экипажи не спешили на переподготовку, оставаясь на базе. Через пару часов номер в очереди материализовался в отпечатанный бланк билета Мурманского пароходства с номером каюты и места на возжеленном теплоходе «Мария Ермолова». С этим билетиком я, как Буратино в цирк, и с улыбкой на ширину приклада явился обратно на плавбазу.

Вещей у меня никогда вообще не было по традиции, поскольку на Большую Землю я принципиально не брал с собой ничего: так легче передвигаться и толкаться по вечным билетным очередям, бежать за отходящим экспрессом или на заканчивающуюся посадку, схватив шальной билет... Однажды, приехав в отпуск домой после долгого отсутствия с одним только журналом «Огонек» в руке, я был искренне удивлен вопросом: «А где же твои вещи?» На что ответил совершенно искренне: «Какие?» Чем вызвал дружный смех и восхищенные улыбки.

До отправления теплохода было много времени, и я с удовольствием занялся необходимыми делами: постирал в раковине каюты остающуюся на базе рубашку и носки, любовно развесил их на пластмассовых плечиках и осторожно пристроил на крючочке в стене каюты, заранее подстелив пару газет «Красная Звезда». Эту газету нас заставляли выписывать в обязательном порядке, а она, если честно, только и годилась на защиту пола каюты от стекающей воды с рубашки и носков. А все потому, что, во-первых, приходила она в Грениху сразу пачкой за всю предыдущую неделю, и, во-вторых, читать ее было совершенно невозможно, ввиду скудности сюжетов и сомнительности персонажей статей. Одна была польза – кроме пачки никчемных газет обычно корабельный почтальон протягивал пару писем от милых сердцу людей, и я готов был расцеловать его, так скучал по ним и так ждал этих весточек...

Приближался ужин, и я пошел взглянуть, не накрыта ли пораньше вестовыми кают-компания, чтобы сэкономить десяток минут на теплоход. Уже подходя к кают-компанию, я заметил, что дверь в каюту старпома Козлова приоткрыта...

Николай Матвеевич Козлов был яркой флотской фигурой. Невысокий, даже скорее маленького росточка, лысый, со смешно торчащим впереди лба жиденьким белесым чубчиком редких волос, стройный, если не сказать худой, он удивительно походил на великого русского полководца генералиссимуса Суворова, только в мундире капитана 2-го ранга. Это, в общем, не мешало ему сохранять манеры и этикет славных, давно ушедших времен. Например, он никогда не обращался ни к кому и ни в какой ситуации на «ты», даже в, казалось бы, провоцирующих и побуждающих к фамильярности случаях.

Однажды он оказался в РБН (так по традиции сокращенно называли в Северодвинске военно-морской ресторан «Белые ночи») за одним столиком с выдвиженцем – старпомом подлодки новейшего поколения, каптри, намного, года на четыре, младше его. Выпив серьезно и поспорив с ним о чем-то, Николай Матвеевич вдруг встал во весь свой «исполинский» рост и немножко патетически, явно не по ситуации, выставив вперед могучую грудь и правую ногу, заложив ладонь за пуговицы кителя и заставив замолчать игравший ансамбль, подняв подбородок почти к потолку, на весь ресторан отчетливо и громко сказал державно-гневное: «Идите вы на ...!» После чего резко отставил стул и порывисто покинул зал под аплодисменты соседнего столика, где ужинал по субботней традиции младший комсостав нашей подлодки.

Кроме того, Козлова отличала делавшая его сходство с легендарным предком еще замечнее манера ходить по верхней ракетной палубе, перед или же после подъема флага, размеренным широким шагом. Внезапно останавливаясь у совершенно обычного, прямо скажем, простого матроса, он вдруг переходил с ним на абсолютно понятный только им обоим, генералиссимусу и рядовому, язык и подтекст простолюдинов: «Матрос Прима, ну что вы лыбитесь на меня, как манда на электробриту?!» – опять-таки с задраным подбородком и немного склоненной набок головой, как бы заранее прислушиваясь к возможному, а вообще-то совершенно бессмысленному ответу. При этом недопустимым было в строю выражать в ответ хоть какие-то эмоции, улыбаться, вопрошать или комментировать, поскольку разговор был серьезным и не просто так...

Меня Николай Матвеевич, по каким-то неизвестным для меня причинам, выделил в особую категорию людей, с которыми он на язык и подтекст обычных простолюдинов не переходил вообще и никогда! Обращаясь ко мне на «вы», он называл меня ласкательно-уменьшительно

«Витя» и самое главное – включил меня в особую группу людей, с которыми он совершал ежедневное доверительное таинство военно-морского причащения перед ужином.

Не знаю, баловался ли такого рода сухопутным причащением перед ужином славный генералиссимус, но будь у него над умывальником раковины в каюте бачок для воды, который всегда до самого верху был наполнен чистейшим, прозрачайшим и безвреднейшим спиртом-ректификатом, то вполне возможно ход русско-турецкой кампании мог бы сложиться иначе...

У старпома Козлова это выглядело всегда стандартно: минут за пять до ужина он приоткрывал дверь своей каюты и, являясь по уставу старшим в кают-компании, как бы проверял готовность офицерского состава к приему пищи. На самом же деле он внимательным и требовательным взором высматривал посвященного офицера на причастие из одному ему известного культового списка. Посвященными были, как правило, самые уважаемые и душевные командиры боевых частей: начальник радиотехнической службы Анатолий Митрофанович Карпов, командир БЧ-2 Саша Егоров, ну, и некоторые другие... Каким боком в этот список попал я – ума не приложу! Я и по жизни, не то что по показателям ритуала, был тютей, а ведь, как вы сейчас поймете, показатели тут имели особое значение. Но как бы то ни было, мне выпала честь несколько раз участвовать в причащении.

Проходя мимо каюты «генералиссимуса» на ужин, невозможно было не заметить как бы нейтральную физиономию Николая Матвеевича. На самом деле в ней все время происходили перемены: один глаз его смотрел в кают-компанию, другой не то чтобы подмигивал, а настойчиво приглашал зайти внутрь каюты... Отказаться или прошмыгнуть в таком узком коридоре было полнейшим идиотизмом.

После этого ключ в двери поворачивался изнутри, и молчаливо, без всякой суеты Козлов доставал два тонких стеклянных стакана, один из которых тут же вручал мне. После этого резким кивком подбородка он показывал на бачок над умывальником. Я, прекрасно зная, что там далеко не амброзия, подходил и с видом, излучавшим спокойствие и уверенность, открывал кран ракушечника. Спирт толстой конической струйкой быстро заполнял огромный стакан. Под пристальным взглядом старпома трудно было соблюсти норму приличия, чтобы не обидеть его гостеприимства и не налить в стакан оскорбительно мало. С другой стороны, в голове острым гвоздиком стучала осторожная мысль о том, что спирт – штука взрывоопасная, 96-градусная, и все, что сейчас нальется в чертов тонкий стакан, придется залпом выпить безо всякой закуски! После меня к этому же крану, откуда когда-то давно текла вода, деловито подходил старпом и уверенным движением наливал почти полстакана огненной воды...

Далее ритуал продолжался уже в направлении исполнения нетленных заповедей Дмитрия Ивановича Менделеева, завещавшего нам пить только сорокоградусные напитки, если, как в моем случае, никак нельзя отказаться. Козлов брал со стола стеклянный маленький графинчик, по иронии судьбы едва ли наполовину наполненный дефицитной в данной каюте простой водой, и опять первому протягивал его мне. Стремясь не подвести великого химика, не осямиться перед старпомом и не сотворить ужасной бормотухи градусов на тридцать, я на глаз плескал в стакан воду... То, что происходило дальше, нужно было снимать на замедленную камеру: в один и тот же момент я должен был передать старпому остатки воды в графине и плотно накрыть свой стакан освободившейся потной ладошкой...

Зачем? Этот вопрос никогда меня не волновал! Потому что ответ на него по сравнению с предстоящим потреблением получившегося напитка был несущественным и мелким, он попросту растворялся без остатка. Говорили, что тот же самый Менделеев завещал пуще смерти опасаться изобарической реакции, при которой давление сохраняется, а температура растет, порождая невиданное по противности пойло... Совсем, мол, другое дело – реакция изотермическая, при которой под ладошкой напиток сохраняет с трудом накопленную в бачке

прохладу за счет увеличения давления в стакане. Не знаю, может, и так, но руку от стакана не отбрасывало, а напиток вкус мохито не приобретал!

Тем временем Козлов поступал так же, и с серьезным видом в полной тишине мы некоторое время стояли с прижатыми к стаканам ладонями, глядя на портрет Павла Степановича Нахимова, вечно висевший в каюте старпома. Что бы сделали нормальные мужики, ну, не подводники, наверное, во всем мире? Конечно, чокнулись бы и выпили! Но ритуал происходил на плавбазе подводных лодок «Василий Вересовой» в каюте старпома. А это означало лишь то, что и чокаться здесь надо поподводному.

Сначала отбить чечетку по боковой поверхности стакана снизу вверх ногтями правой руки (что символизировало «чтобы количество погружений»), а потом сильно щелкнуть большим пальцем по дну стакана (что символизировало «равнялось количеству всплытий»). Этим как бы ставилась логическая точка во всем ритуале. Козлов, несмотря на свой высокий пост и звание, демократично повторил все точь-в-точь. Ритуал подошел к концу, оставалось лишь быстро, не позерствуя, выпить, затем не торопясь выдохнуть и выйти из каюты в полном молчании. И Боже вас упаси в этот момент крикнуть, понюхать рукав или сказать «спасибо»... Больше вас не пригласят никогда. Это неприлично!

В этот раз всем своим видом Николай Матвеевич показывал, что ритуал ритуалом, но, мол, у него есть еще что сказать... И действительно, после традиционных завершающих па он не открыл, как всегда, дверь своей каюты, а полез в рундук – подобие платяного шкафа под койкой, откуда достал и протянул мне большую двухлитровую прямоугольную «шильницу» из нержавеющей стали с большой заворачивающейся крышкой. Она была тяжелой и побулькивала... Поймав мой изумленно-вопросительный взгляд, старпом, почти смущаясь, чего за ним раньше никогда не водилось, скромно сказал:

– Витя, вы за машиной едете! Вам пригодится...

Весь ужин я прижимал к себе чудо-флягу с двумя литрами спирта-ректификата, поглощал ее и все боялся поверить неожиданно свалившемуся подарку, которому было суждено сыграть особую роль в дальнейших событиях...

А уже через несколько часов я вышел на пирс, где пришвартовалась «Мария Ермолова», чтобы увезти меня за автомобилем из «резерва» 11-й флотилии подводных лодок в неведомый Военторг.

Тот, кто никогда не ступал ногой на трап белоснежного круизного лайнера с прогнившего и покосившегося причала оторванной от Большой Земли военно-морской базы, не в состоянии понять чувств обычного подводника. Наверное, они сродни ощущениям альпиниста, которого снимают с Джомолунгмы на вертолете, космонавта, пересеживающегося из капсулы в кабриолет, или шахтера, поднявшегося из забоя в ресторан «Седьмое небо» на Останкинской телевышке. Ночь и день, белое и черное, вода и пламя! Всего несколько ступеней и...

Другая жизнь ударяла по широко раскрытым глазам, врвалась в уши доброжелательными тихими приветствиями стюардесс в соблазнительно топорщившихся на всех местах униформах, щекотала нос доносившимися отовсюду запахами вчерашних пирушек... Трудно сказать, в какое состояние при этом впадал рядовой военмор. Восхищенного восторга или ощущения приближающегося приятного приключения, отчаянной тоски по прошедшим в море годам или яркой вспышки в мозгу

«Ну и повезло же мне с местом службы!»

К категории пессимистов меня угораздило примкнуть всего пару раз из нескольких десятков круизов Мурманск-Гремиха или обратно. Во всех остальных случаях стойкий оптимизм, если даже не эйфория, охватывали меня на все время пребывания на борту этого замечательного лайнера. Как и все блестящее, он был построен капиталистами, видимо, для капиталистов же, но, по иронии судьбы, эксплуатацию проходил за Полярным кругом на радость советским подводникам и членам их семей.

Любимая маленькая, но зато одиночная каюта радостно приютилась в лабиринте коридоров на средней палубе.

Каждый знал, что имело полный смысл всегда и при самой малейшей возможности, брать именно одиночную «камеру», как в шутку называли эту каюту. Но некоторых губила бережливость или попутчики... Ни того, ни другого у меня, к счастью, не было. Да и разница ее стоимости с «двушкой» была не столь значительной, а преимуществ, для холостого офицера, – уйма! Главным из них, конечно, было то, что повстречай он на теплоходе свою нежданную любовь или, скажем, судьбу, то там можно было неторопливо и уютно поговорить с ней о флоре и фауне Кольского полуострова, не спрашивая ни у кого на это согласия и не обременяя соседа эмоциональной беседой.

Любимым занятием, сразу же, как только я переступал порог каюты, у меня было принятие душа. Даже неудобно вспоминать, как тяжело давалась нам эта процедура в Гремихе, причем и в береговых, и в корабельных условиях... На плавбазе это решалось либо за «шило», в обмен на которое местные механики запускали в контур горячую воду и открывали под большим секретом на полчаса «святая святых» – корабельную душевую. Будто кровь свою собственную качали туда! Они ревностно следили за стрелками часов. Иногда приходилось на рейсовом автобусе ехать из Островной в Гремиху, где была поселковая баня. Правда, нужно было еще вписаться в неженский день и не в дни помывки экипажей, что было непросто...

До сих пор не могу забыть этот теплый душ в маленькой каюте теплохода, когда вода, как бы ты не плескался и не фыркал, совершенно не брызгая по сторонам из-за волшебной системы перегородок, лилась прямо на пол и тут же быстро убегала в отверстие. А еще через минуту пол каюты был сухим, а в воздухе лишь витал аромат шампуней, спреев и одеколонов... Не встретить после такого в длинных лабиринтах лайнера свою любовь или, скажем, судьбу, было маловероятно и угрожало лишь офицерам береговой службы.

Сидеть в каком-либо одном заведении лайнера у младшего комсостава подлодок было не принято. Хорошим тоном и стратегией считался медленный и последовательный обход всех работающих с момента посадки и до глубокой ночи баров и ресторанов «Машки Ермоловой», как ее здесь звали все поголовно. Бывало, что заход повторялся и, начав с бара шестой палубы, а потом, просидев остаток вечера за столиком ресторана главной палубы, ночь мы коротали в том же самом «стартовом» баре. Напитки на борту лайнера были на удивление недорогими, а в меню были блюда из оленины, семги и миног, которые могли бы конкурировать с любой столичной кухней.

В этот раз, не начавшись, ужин прервался в первом же баре с бокала шампанского и бутерброда из мяса северного оленя. Сидевшая рядом молодая красивая женщина оказалась медсестрой из нашего госпиталя. У нас было много общих знакомых, и мы почти до самой швартовки в Мурманске проболтали в моей каюте о людях и диагнозах. На причал по трапу мы сошли отдельно...

Глава 2

ВОЕНТОРГ

в которой рассказывается о продаже автомобилей из «резерва» 11-й флотилии и не только

Путь до Военторга не занял много времени. По дороге я заехал на главпочтамт и получил подошедшие по срочному переводу недостающие деньги на машину, которые родители собрали из всех мыслимых и немыслимых источников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.